

НИНА СЕМЕНОВНА ГАНЦОВСКАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии
Костромской государственной университет (Кострома,
Российская Федерация)
gantsovsky_n@mail.ru

ЦИНЬ ЛИДУН

аспирант кафедры отечественной филологии
Костромской государственной университет (Кострома,
Российская Федерация)
qinlidong@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ГИПОТАКСИСА РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ИДЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФОРТУНАТОВСКОЙ ШКОЛЫ (на примере текстов А. Н. Островского)

А н н о т а ц и я . Проблемы соотношения паратаксиса и гипотаксиса в современном русском литературном языке, способы проявления коммуникативных качеств сложноподчиненных предложений в зависимости от степени грамматической абстракции, основные черты их формальной и семантической структуры, характер и особенности функционирования их строительных черт в определенный период истории – таковы актуальные вопросы науки о русском языке, которые до сих пор имеют дискуссионный характер и являются теоретической базой настоящей работы. Эти проблемы заставляют вернуться к тем идеям представителей Фортунатовской школы, которые указали путь приоритетного исследования структурных (грамматических) свойств иерархически устроенных синтаксических единств. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности союзов условных сложноподчиненных предложений в пьесах одного из создателей современного русского литературного языка, классика русской литературы А. Н. Островского. Язык драм А. Н. Островского сыграл важную роль в демократизации русского литературного языка и донес до нас многие черты русской народно-разговорной речи, в том числе диалектной. В этом плане замыслы авторов статьи нашли опору в трудах классиков фортунатовского направления русского языкознания, в частности А. Б. Шапиро и Л. А. Булаховского. В результате исследования был сделан вывод об абсолютном характере распространения в книжных и разговорных конструкциях русского языка середины XIX века универсального моносемантического союза *если* и весомой роли по сравнению с современным состоянием русского литературного языка синкретических союзов разговорного характера *ежели, как, когда, коли*.

К л ю ч е в ы е с л о в а : гипотаксис, условные союзы, А. Н. Островский, фортунатовское направление, Василенко, Шапиро, Булаховский

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ганцовская Н. С., Цинь Лидун. Исследование гипотаксиса русского языка в свете идей представителей Фортунатовской школы (на примере текстов А. Н. Островского) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 19–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.676

ВВЕДЕНИЕ

В последнем из научных сборников под редакцией и с участием В. В. Виноградова «Мысли о современном русском языке» на обсуждение были предложены актуальные вопросы науки о русском языке, в том числе проблемы синтаксиса простого и сложного предложения, представленные в статьях И. А. Василенко, Н. Ю. Шведовой, Л. Ю. Максимова, Г. П. Уханова и Р. П. Рогожниковой. Дискуссионный характер носят положения статей И. А. Василенко и Л. Ю. Максимова, стоящих на несходных тео-

ретических позициях по вопросам способа организации сложноподчиненных предложений (СПП), однако придающих первостепенное значение вопросам их грамматической формы. И. А. Василенко, ученый широкого профиля, много лет возглавлявший кафедру общего языкознания в МГПИ имени В. И. Ленина, его последователи и ученики, как ранее и его учителя и соратники еще со времен пединститута имени В. П. Потемкина, был представителем Московской лингвистической школы фортунатовского направления. В его докторской диссертации

анализировались многочисленные сложноподчиненные предложения, подобные темы предлагались и аспирантам кафедры, в том числе одному из авторов этих строк, Н. С. Ганцовской, руководителем которой была М. С. Бунина, ученица А. Б. Шапиро.

* * *

В статье сборника «Проблема сложного предложения в науке о русском языке» И. А. Василенко, называя основной единицей синтаксиса предложение, констатирует: проблема сложного предложения «остаётся ещё недостаточно разработанной» [4: 81]. Он даёт аналитический обзор синтаксических учений о сложном предложении в науке о русском языке, где мы выделим тот его сегмент, в котором Иван Афанасьевич останавливается на рассмотрении этих проблем представителями фортунатовского направления, которое при сходстве основных позиций не было внутренне однородным. Так, говоря о дискуссии в 30-х годах XX столетия о сочинении и подчинении, он неодобрительно оценивает позицию М. Н. Петерсона, исключавшего из проблем синтаксиса сочинение и подчинение, понятия главного и придаточного предложения, и поддерживает «голос» А. М. Пешковского в защиту подчинения и сочинения: «основой синтаксиса является зависимость одних синтаксических величин от других» и «проблема сочинения и подчинения перерастает в вопрос о синтаксических связях вообще» [4: 83]. Мысли А. Б. Шапиро о цельности сложного предложения и необходимости его понимания со стороны главного и придаточного предложения сочувственно воспринимаются автором обзора, но вопросы «существенной коррективы» придаточных предложений, которые тот делит на «два типа в зависимости от наличия или отсутствия в главном предложении соотносительных слов, указательных местоимений или наречий», подвергаются сомнению. И. А. Василенко тут приводит сходное с ним мнение С. И. Абакумова, одновременно и положительное, и критическое, о принципах классификации придаточных предложений А. Б. Шапиро [4: 84]. Он находит интересным замечание А. Б. Шапиро о неустойчивости формального критерия при различении сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, что даёт основание не выделять сложные бессоюзные предложения в особый тип связи и распределять их между сочинением и подчинением [4: 86]. Во многом И. А. Василенко поддерживает мысль И. Г. Чередниченко о том, что нельзя во всех случаях пользоваться одной традиционной теорией о придаточных как развернутых

членах главного, но критикует его за разнородность принципов выделения придаточных предложений в его классификации то по признаку морфологическому, то синтаксическому, то семантическому, то лексическому, то психологическому [4: 85]. И. А. Василенко положительно рассматривает трактовку сложных предложений В. В. Виноградовым как сложного единства (в этом плане привлекается мнение В. А. Белошапковой и других ученых), в котором нет прямого параллелизма между подчинением слов и подчинением предложений, выделение им бессоюзных сложных предложений в особый разряд построений, в то же время отмечая его многообразие дефиниций сложного предложения и их терминологическую неясность [4: 88–89]. Он полагает, что «положения академика В. В. Виноградова получают дальнейшее развитие в грамматических работах Н. С. Поспелова» [4: 89], который разработал теорию об одночленности и двучленности СПП. Эта теория, как утверждает И. А. Василенко, «развивает синтаксические идеи традиционного русского языкознания» и при этом делает отсылку к труду Ф. Ф. Фортунатова «Сравнительное языковедение. Лекции. Литограф. изд.» (стр. 229) [4: 90], однако И. А. Василенко не согласен с отождествлением в работах Н. С. Поспелова грамматической семантики сложного предложения с логическим понятием суждения. Также его не устраивает безоговорочное признание Н. С. Поспеловым позиций придаточных только как частей сложного предложения. Он жалеет о том, что

«мысли Н. С. Поспелова об одночленности и двучленности сложноподчиненных предложений относятся к построениям с одним придаточным. Приложимость этого принципа (одночленности и двучленности) к сложноподчиненным предложениям с двумя, тремя и большим количеством частей (простых предложений) требует дальнейших исследований» [4: 90].

К слову сказать, Н. С. Ганцовская в своей диссертации «Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в научном стиле современного русского языка» (1967) сделала попытку осуществить эту идею.

И. А. Василенко в своей программной статье поднимает многие проблемы в области сложного предложения русского языка, которые, как он говорит, некогда ставили Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов и которые требовали своего разрешения в русле грамматики. Например, он выдвигает на повестку дня изучение предложений с соподчинением и подчинением, сложного синтаксического целого, многочисленных построений и др. [4: 92]. В последующие первые

десятилетия подобные задачи в русском языкознании частично решались, но затем под напором новых идей были отодвинуты в сторону.

Л. Ю. Максимов, коллега И. А. Василенко по МГПИ, творчески разрабатывая идеи представителей русской синтаксической школы А. А. Шахматова – В. А. Богородицкого – Н. С. Поспелова – В. В. Виноградова и др., пришел к выводу о неизбежности структурно-семантического описания сложных предложений. В статье сборника «Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц» он говорит о внешнем характере аналогии функций второстепенных членов простого предложения и соответствующих придаточных частей сложноподчиненного, которая не позволяет «считать сложноподчиненное предложение усложненным вариантом простого или его сложным аналогом» [10: 94]. Он полагает также, что «класс сложноподчиненных предложений не может быть в целом ни аналогией со словосочетанием, ни аналогией с простым предложением...» [10: 95], говоря же о ступенях грамматической абстракции, связанной с противопоставлением языка и речи, он считает, что

«признав... сложноподчиненное предложение в частности единицей коммуникативной, мы отнюдь не снимаем тем самым вопроса об их строении и функционировании в речи» [10: 100].

Для задач нашей статьи, где рассматриваются структурно-семантические особенности союзов условных СПП – а союзы – главные строительные средства гипотаксиса – в пьесах одного из создателей русского литературного языка, классика русской литературы А. Н. Островского, важно замечание Леонарда Юрьевича о том, что так называемые расчлененные структуры «скорее аналогичны простым предложениям с обстоятельственными детерминантами» [10: 95]. Действительно, во всех классификациях СПП признается, что придаточная часть обстоятельственных СПП функционально равноправна с главной частью в коммуникативной организации СПП расчлененной («двучленной») структуры. И основную роль в синтаксической структуре всей конструкции при этом более ярко, чем в «одночленных» структурах, играют союзы.

Поскольку язык драм А. Н. Островского и их строительные особенности имел важное значение в демократизации русского литературного языка и донес до нас многие черты русской разговорной речи, в том числе диалектной, этой «живой старины» нашего национального языка, мы рассматриваем союзы условных предложений в пьесах драматурга как важнейшее

средство построения предложений обусловленности, отражающих продуктивность этих конструкций в русском языке послепушкинского периода. В отечественных исследованиях последних лет неоднократно затрагивалась эта проблематика, поскольку в должной мере типологический статус подчинительных союзов русского языка еще не выявлен. Назовем некоторые из них, касающиеся проблематики условных союзов: [1], [2], [5], [9]. Также см. наши предыдущие наблюдения по этой теме: [7], [8], [11], [12]. В плане выяснения тенденций развития строительных средств гипотаксиса, уточнения их статуса в разные периоды становления русского литературного языка мы ищем поддержки в трудах классиков русского языкознания фортунатовского направления, в частности А. Б. Шапиро и Л. А. Булаховского, к трудам которых, как полагаем, надо обращаться многократно и систематически.

В наборе союзов условных сложноподчиненных конструкций в пьесах А. Н. Островского достаточно значима доля устаревших для нашего времени союзов с яркой окраской разговорности: *коли*, *когда*, *кабы*, *ежели*, *ли*, *буде*, *раз*, но нередко с резко контрастивной частотностью их употребления в его жанрово и хромотопически разнотипных пьесах. Важным, возможно, и первостепенным источником изучения их происхождения, как и вообще исторических фактов языка, по мысли А. А. Шахматова, являются не только памятники письменности, но и живые русские говоры, что демонстрирует А. Б. Шапиро в своих «Очерках по синтаксису русских народных говоров» [13]. Его труд позволяет комментировать историю происхождения и особенности структурирования при помощи этих союзов условных СПП в диалогах пьес А. Н. Островского, отражающих реальные черты разговорной речи широкой и преимущественно неэлитной части русского общества середины XIX столетия послепушкинского периода – купцов, их семейств и их окружения, мелких служащих, чиновников, мещан, актеров, провинциальных дворян и др.

Представим список слов, способных в определенной степени выявить наличие условных союзов в пьесах драматурга за весь период его творческой деятельности (1840–1880) в порядке их убывающей частотности, пользуясь суммарными итоговыми данными (по всем периодам творчества писателя и по его художественным и нехудожественным текстам) «Частотного словаря языка А. Н. Островского» (ЧСЯО)¹: *как* (7960), *ли* (2877), *если* (2278), *когда* (1404), *раз* (877), *коли* (817), *кабы* (288), *ежели* (179), *коль* (109).

Оговоримся, что, во-первых, в ЧСЯО дан союз *коль* как самостоятельный, но на самом деле его надо рассматривать как речевой вариант союза *коли*, во-вторых, в ЧСЯО обобщены показатели частотности союзов не только в художественных текстах (пьесах) драматурга, но и в его нехудожественных произведениях, что должно дать представление о степени их продуктивности в разных стилях и жанрах русского языка того периода, в-третьих, уточним, что мы не рассматривали союзы условных предложений в «исторических» пьесах драматурга типа «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», а только на синхронном срезе его пьес, отражающих особенности русского языка XIX века. Поэтому мы не указываем в списке союз *буде*, который, например, встретился в указанной здесь исторической пьесе драматурга.

В ЧСЯО, как и во всяком частотном словаре, представлены лексемы без расшифровки их семантики. В полной мере условными из приведенного выше списка слов можно считать только моносемантические союзы типа *если*, союзы же с синкретическими значениями типа *как*, *когда*, *ли*, *раз* поданы в предельно широком статистическом спектре одноименных единиц с другими лексико-грамматическими характеристиками. Это говорит о том, что развитие условных подчинительных союзов как структур гипотаксиса продолжается (впрочем, оно не окончено и к сегодняшнему дню). Более детальные сведения о продуктивности условных синтаксических скреп (союзов) в пьесах драматурга см. в приводимом ниже списке работ авторов статьи. Для примера дадим полную расшифровку сведений ЧСЯО об употребительности слова *как* (то же можно сделать для любого компонента списка) в художественных и нехудожественных текстах (в ЧСЯО обозначены соответственно как ХТ и НХТ) трех периодов деятельности А. Н. Островского. I (1840–1850-е годы): ХТ – 1560, НХТ – 209; II (1860-е годы): ХТ – 1947, НХТ – 260; III (1870–1880-е годы): ХТ – 2818, НХТ – 1160; общая частотность – 7960. Слово *как* оказывается самым частотным в этом списке: в ЧСЯО по причинам, изложенным выше, не указано, с каким значением употребляется слово *как* и каков его типологический статус, разумеется, лишь некоторая часть его фреквенции относится к условным конструкциям.

Дадим комментарий употребления условных союзов в гипотаксисе пьес драматурга, отражающих реальные особенности живой речи того периода, используя сведения, которые предоставляет о них А. Б. Шапиро. Описывая сложные

предложения с подчинительными союзами в русских диалектах, каждому союзу ученый посвящает отдельный очерк и также рассматривает их в порядке убывающей частотности. Он говорит, что «союз *как*, наряду с союзом *что*, является одним из наиболее употребительных в говорах» и что «чаще всего при союзе *как* между подчиненным и подчиняющим предложениями отношение временное» [13: 86], но

«при той же точно структуре... отношения между предложениями может иметь дополнительный условный оттенок», который «воспринимается на основании реального содержания того и другого предложения» [13: 88].

Однако при лишении предложения оттенка «процессности» (вследствие отсутствия или «скрытности» сказуемого или выражения его инфинитивом) возможно и структурное выражение дополнительного оттенка обусловленности [13: 88]. Точно те же явления мы наблюдаем и в драматургии А. Н. Островского (из соображений экономии места здесь мы не приводим иллюстраций из текстов писателя, см. примеры в указанных наших статьях, описывающих условные конструкции в его пьесах).

Союз *если*, как отмечает А. Б. Шапиро, в разных вариантах в основном присущ южнорусским говорам, без вариантов встречается в северновеликорусских говорах, но он для них мало характерен по сравнению с союзом *буде* [13: 96–97]. Однако *буде* совсем не встречается в неисторических пьесах Островского, а *если* прочно лидирует в русском литературном языке как самый частотный союз, имея (с XVII века) монозначение условия. По А. Б. Шапиро, в говорах «употребление союза *ежели* ничем не отличается от употребления союза *если*» [13: 97], но у А. Н. Островского, пожалуй, это один из самых малочастотных условных союзов, хотя он и моносемантический, подобно союзу *если* (не то, например, в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, где союз *ежели* полностью вытеснил союз *если*).

Союз *когда*, по словам А. Б. Шапиро, в северновеликорусских говорах

«довольно редок, соответствующие функции обычно выполняет союз *как*» [13: 93], «основное отношение между подчиняющим и подчиненным предложениями, выражаемое союзом *когда*, – временное» [13: 94].

А. Б. Шапиро замечает, что при этом союзе возможен «оттенок условности», «который, впрочем, не имеет грамматических показателей, а воспринимается на основании соотношения реального содержания того и другого предложения» [13: 95]. Это же мы наблюдаем и на материале пьес А. Н. Островского.

Союз *кабы* в говорах «служит для выражения условного значения», но его отличие от других условных союзов состоит в том, что

«посредством *кабы* указывается, что условие, при котором что-либо (то, о чем говорится в подчиняющем предложении) возможно, представляется на самом деле несуществующим, между тем как при *если*, *ежели*, *лели* вопрос о реальности или нереальности этого условия не имеет значения, а важен самый факт этой связи» [13: 99–100].

Союз *коли* (*коль*) в говорах (по А. Б. Шапиро) по своему значению ближе всего к союзу *когда* и имеет основную функцию – выражать временное значение, но вместе с тем может дополнительно выражать вместе с другими синтаксическими средствами также оттенок условности [13: 98]. У А. Н. Островского, как и вообще в общелитературном языке, этот союз, как и его вариант *коль*, употребляется только с условным значением. Отметим, что по материалам исследования устаревших союзов в современной публицистике выявлены единичные случаи употребления условных союзов *коли* (*коль*), *кабы*, которые используются как «средство исторической стилизации, придания колорита разговорной народной речи, а также как инструмент создания тропов» [6: 88–90].

Л. А. Булаховский в «Курсе русского литературного языка» в разделе «б. Сложное предложение. Союзы» также монографически отдельно, хотя и в лаконичной форме, рассматривает подчинительные союзы в современном русском литературном языке, «специально связывающие предложения, в отличие от тех, которые связывают и предложения, и их члены»², и дает их обзор, иллюстрируя это материалом произведений русской классической литературы XIX и XX веков. Так, он перечисляет условные союзы (*если* (*бы*), *ежели*, *кабы*, *когда* (*бы*), *коль скоро*, *коли*, *ли*, *раз* и др.), анализируя их в сравнении друг с другом в структурно-семантическом, функционально-стилистическом и статистическом планах, используя примеры предложений из творчества Л. Толстого, Некрасова, А. К. Толстого, Гл. Успенского, Леонова, Фета, Безмянского, М. Литвинова, Н. Островского, Гоголя, Гладкова, Пушкина, Помяловского, Пришвина (орфография имен Л. А. Булаховского). Его тонкие наблюдения за функционированием этих союзов в процессе развития современного русского литературного языка в послепушкинский период поучительны во многих отношениях и важны для понимания динамики развития основных структурных средств СПП. Так, например, если «*ежели*, которое у некоторых классических писателей XIX в. соперничало, иногда даже преобладало над *если*» (тут он приводит примеры из текстов Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова), то

«у позднейших писателей *ежели* становится приметой народной речи и фигурирует наряду с другими средствами оттенить ее. Характерно, что в предложениях желания теперь употребляется только *если* б...»³. «*Кабы* (*каб*) и *коли* (*коль*) вносят колорит народной речи, причем последний союз может сочетаться с поэтическим стилем. *Кабы* чаще употребляется со значением желания или (при “не”) со значением сожаления...»⁴. «*Когда* в определенно-условном значении малоупотребительный и скорее относится к разговорному языку... <...> *Когда* бы сохранилось лучше и до сих пор ощущается как естественное в поэтическом языке...»⁵.

В монографии «Русский литературный язык первой половины XIX века» Л. А. Булаховский [3] на примерах из произведений Крылова, Грибоедова, Пушкина, Баратынского и др. показывает, что

«наряду с установившимся в настоящее время в качестве господствующего союза *если*, в первой половине XIX века употребляют без специальной стилистической окраски *ежели* и – намного чаще, чем теперь – *коль* и *коли*» [3: 411].

Для СПП драм А. Н. Островского этот тезис Л. А. Булаховского в целом верен, за исключением замечания о союзе *ежели*. К творчеству А. Н. Островского применимо и следующее высказывание Л. А. Булаховского о стилистике союза *когда*:

«Что касается употребительного наряду с *если* и *ежели* *когда*, то оно, вообще говоря, не имеет отчетливо выраженной стилистической окраски, хотя, по-видимому, и воспринималось как союз, эмоционально несколько более подчеркнутый и, может быть, с некоторым легким налетом просторечия...» (тут он приводит примеры СПП у Грибоедова, Гоголя, Лермонтова) [3: 414].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сопоставительный анализ условных союзных средств в СПП современного русского литературного языка середины XIX века на материале текстов пьес А. Н. Островского с опорой на труды классиков фортунатовского направления или, иначе, деятелей Московской лингвистической школы показал весомую роль союзов со стилистической окраской разговорности (*ежели*, *как*, *когда*, *коли*), обнаруживающих синкретизм семантики обусловленности и иных функционально-детерминантных оттенков, имеющую или же не имеющую опору в других строительных средствах рассматриваемых гипотактических конструкций. И в то же время обнаружилось абсолютное преобладание характерного для всех этапов развития нового литературного языка послепушкинского периода моносемантического союза *если*, универсальный характер семантики которого позволил ему употребляться в разнообразных структурно-семантических модификациях как в книжных, так и разговорных сложно-подчиненных конструкциях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЧСЯО – Частотный словарь языка А. Н. Островского / Под ред. Н. С. Ганцовской // А. Н. Островский: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 530–658.
- ² Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. Харьков: Гос. учебно-педагог. изд. «Радянська школа», 1937. С. 286.
- ³ Там же. С. 294.
- ⁴ Там же. С. 295.
- ⁵ Там же. С. 296.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 30.06.2019).
2. Беднарская Л. Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2012. 391 с.
3. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1954. 468 с.
4. Василенко И. А. Проблема сложного предложения в науке о русском языке // Мысли о современном русском языке: Сб. ст. / Под. ред. акад. В. В. Виноградова; Сост. А. Н. Кожин. М.: Просвещение, 1969. С. 81–93.
5. Галкина Н. П. Типология строительных средств условных сложноподчиненных предложений в произведениях естественнонаучного цикла // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Научно-методический журнал. 2013. Т. 19. Основной выпуск. № 1. С. 55–58.
6. Галкина Н. П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике // Известия Смоленского государственного университета, 2021. № 1 (53). С. 86–101. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-53-1-86-101
7. Ганцовская Н. С., Цинь Лидун. Конкуренция условных союзов как фактор проявления дискретности в развитии гипотаксиса русского языка (на материале драматургии А. Н. Островского) // Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы VII междунар. науч. конф. (Краснодар, 24–28 окт. 2019 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 11–15.
8. Ганцовская Н. С., Волкова Е. Б., Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в послепушкинскую эпоху: весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 1. С. 82–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.436
9. Кульпина Е. Р. Полифункциональные союзы в русских говорах Карелии // Рябининские чтения – 2003 / Редкол.: Т. Г. Иванова (отв. ред.) и др.; Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kizhi.karelia.ru/library/authors/kulpina-er> (дата обращения 13.09.2019).
10. Максимов Л. Ю. Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц // Мысли о современном русском языке: Сб. ст. / Под. ред. акад. В. В. Виноградова; Сост. А. Н. Кожин. М.: Просвещение, 1969. С. 93–104.
11. Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в русском литературном языке послепушкинского периода (на примере условных союзов пьес А. Н. Островского) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIII междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области (Владимир, 24–26 сент. 2019 г.). Владимир: ВлГУ: Транзит-ИКС, 2019. С. 446–452.
12. Цинь Лидун. Гипотактические условные конструкции в пьесах А. Н. Островского как этап в развитии русского литературного языка (на материале пьесы «Свои люди – сочтемся») // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сб. науч. ст. / Науч. ред. Н. Г. Коптелова; Отв. ред. А. К. Котлов. Кострома: КГУ, 2020. С. 151–154.
13. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1953. 319 с.

Поступила в редакцию 23.09.2020; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Nina S. Gantsovskaya, Dr. Sc. (Philology), Professor, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
gantsovsky_n@mail.ru

Qin Lidong, Postgraduate Student, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
qinlidong@mail.ru

STUDY OF HYPOTAXIS IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE LIGHT OF THE IDEAS OF THE FORTUNATOV'S SCHOOL REPRESENTATIVES
(illustrated by Alexander Ostrovsky's texts)

Abstract. The Russian literary language, the ways of displaying the communicative qualities of complex sentences depending on the degree of grammatical abstraction, the main features of their formal and semantic structure, the nature

and features of the functioning of their construction features in a certain period of history – these are the current issues of the study of the Russian language, which still are of a debatable nature and form the theoretical basis for this work. These problems turn us to the ideas of the Fortunatov's school representatives who laid out the path for the priority research of the structural (grammatical) properties of hierarchically arranged syntactic units. The article deals with the structural and semantic features of the conjunctions of complex conditional sentences in the plays written by one of the creators of the modern Russian literary language – a classic of Russian literature Alexander Ostrovsky. The language of Ostrovsky's dramas played an important role in the democratization of the Russian literary language and preserved many features of Russian folk colloquial speech, including dialect ones. In this regard, the ideas of the authors of the article are based on the works of the classics who supported Fortunatov's intellectual tradition in the Russian linguistics, in particular, Abram Shapiro and Leonid Bulakhovsky. As a result of the study, the conclusion was made about the absolute predominance of the universal monosemantic conjunction *если* (*if*) in the literary and colloquial constructions of the Russian language in the mid-XIX century, as well as about a significant role of syncretic conjunctions of a colloquial nature, such as *ежели* (*if*), *как* (*when*), *когда* (*when*), *коли* (*if*), in comparison with the modern state of the Russian literary language.

Key words: hypotaxis, conditional conjunctions, Alexander Ostrovsky, Fortunatov's school, Vasilenko, Shapiro, Bulakhovsky

For citation: Gantsovskaya, N. S., Qin, Lidong. Study of hypotaxis in the Russian language in the light of the ideas of the Fortunatov's school representatives (illustrated by Alexander Ostrovsky's texts). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):19–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.676

REFERENCES

1. Apresyan, V. Yu., Pekelis, O. E. Subordinate conjunctions. Materials for the project on the corpus description of Russian grammar. Published as manuscript. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 30.06.2019). (In Russ.)
2. Bednarskaya, L. D. Complex sentences in the language of Russian lyric poetry of the XIX and the XX centuries. Orel, 2012. 391 p. (In Russ.)
3. Bulakhovsky, L. A. Russian literary language of the first half of the XIX century. Moscow, 1954. 468 p. (In Russ.)
4. Vasilenko, I. A. The problem of a complex sentence in the study of the Russian language. *Reflections on the modern Russian language. Collection of articles*. (V. V. Vinogradov, Ed., A. N. Kozhin, Comp.). Moscow, 1969. P. 81–93. (In Russ.)
5. Galkina, N. P. Typology of means for constructing complex conditional sentences in scientific works. *Vestnik of Nikolay Nekrasov Kostroma State University*. 2013;19(1):55–58. (In Russ.)
6. Galkina, N. P. The role and place of archaic conjunctions in modern journalism. *Izvestiya of Smolensk State University*. 2021;53(1):86–101. DOI: 10.35785 / 2072-9464-2021-53-1-86-101 (In Russ.)
7. Gantsovskaya, N. S., Qin, Lidong. Competition of conditional conjunctions as a factor in the manifestation of discreteness in the development of hypotaxis in the Russian language (illustrated by Alexander Ostrovsky's dramas). *Continuity and discreteness in language and discourse: Proceedings of the VII international research conference (Krasnodar, October 24–28, 2019)*. Krasnodar, 2019. P. 11–15. (In Russ.)
8. Gantsovskaya, N. S., Volkova, E. B., Qin, Lidong. Development of hypotaxis means in the post-Pushkin era: A. N. Ostrovsky's spring tale Snegurochka. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(1):42–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.436 (In Russ.)
9. Kul'pina, E. R. Polyfunctional conjunctions in Russian dialects of Karelia. *Ryabinin Readings – 2003*. (T. G. Ivanova et al., Eds.). Petrozavodsk, 2003. Available at: <https://kizhi.karelia.ru/library/authors/kulpina-er> (accessed 13.09.2019). (In Russ.)
10. Maksimov, L. Yu. A complex sentence among other syntactic units. *Reflections on the modern Russian language. Collection of articles*. (V. V. Vinogradov, Ed., A. N. Kozhin, Comp.). Moscow, 1969. P. 93–104. (In Russ.)
11. Qin, Lidong. Development of hypotaxis means in the Russian literary language of the post-Pushkin period (illustrated by conditional conjunctions in Alexander Ostrovsky's plays). *Language categories and units: syntagmatic aspect: Proceedings of the XIII international research conference commemorating the 90th anniversary of Professor August Kopeliovich and the 100th anniversary of pedagogical education in the Vladimir region (Vladimir, September 24–26, 2019)*. Vladimir, 2019. P. 446–452. (In Russ.)
12. Qin, Lidong. Hypotactic conditional constructions in Alexander Ostrovsky's plays as a stage in the development of the Russian literary language (illustrated by the play “It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves”). *Spiritual and moral foundations of Russian literature: Collection of articles*. (N. G. Koptelova, A. K. Kotlov, Eds.). Kostroma, 2020. P. 151–154. (In Russ.)
13. Shapiro, A. B. Essays on the syntax of Russian folk dialects. Sentence structure. (R. I. Avanesov, Ed.). Moscow, 1953. 319 p. (In Russ.)

Received: 23 September, 2020; accepted: 30 July, 2021